

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2021–2022 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

I. [35 баллов] КОМПЛЕКТАЦИЯ БИБЛИОТЕКИ

1. [12 баллов] Онлайн-ресурс собирает книги, относящиеся к русской классической литературе, которые подошли бы иностранцам, желающим понять, как была устроена жизнь детей и подростков в России XIX века. Посоветуйте три реально существующих произведения, которые могут быть интересны иностранцу-современнику. Напишите имена авторов и названия произведений.
2. [23 балла] Опишите одно из этих произведений подробнее. Не пересказывая сюжет, расскажите о тематике и проблематике книги, главных героях, дайте характеристику жанру, опишите стиль автора. Постарайтесь определить, чем эта книга может быть интересна. Объём – около 250 слов.

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) (1868–1936)

БОЛЕСЬ

Один знакомый вот что рассказал мне: «Когда я был в Москве студентом, мне довелось жить рядом с одной из “этих”, – знаешь? Она была полька, звали её Тереза. Высокая такая, сильная брюнетка, с чёрными, сросшимися бровями и с лицом большим, грубым точно вырубленным топором, – она приводила меня в ужас животным блеском своих тёмных глаз, густым, басовитым голосом, извозчичьими ухватками, всей своей громадной, мускулистой фигурой рыночной торговки... Я жил на чердаке, и её дверь была против моей. Я, бывало, никогда не отворял моей двери, если знал, что она дома. Но это, конечно, случалось редко. Иногда мне приходилось встречаться с ней на лестнице, на дворе, и она улыбалась мне улыбкой, которую я считал хищной и циничной. Не раз я видел её пьяной, с осовелыми глазами, растрёпанной, улыбающейся как-то особенно безобразно... В таких случаях она говорила мне:

– Бывайте здоровы, пане студент! – и глупо хохотала, увеличивая моё отвращение к себе. Я бы съехал с квартиры, чтоб избавиться от таких встреч и приветствий, но у меня была такая миленькая комнатка, с широким видом из окна, и так тихо было в этой улице... Я терпел.

И вдруг, однажды утром лежу я на койке, стараясь найти какие-либо основания для того, чтоб не идти на лекции, – отворяется дверь, и эта отвратительная Тереза возглашает с порога басом:

– Бывайте здоровы, пане студент!

– Что вам угодно? – говорю. Вижу – лицо у неё смущённое, просительное... Необычное для неё лицо.

– Видите ли, пане, буду я вас просить об одном деле... уж вы сделайте мне его!

Я лежу, молчу и думаю:

“Подвох! Покушение на мою чистоту, ни больше ни меньше. Крепись, Егор!”

– Нужно бы мне, видите, письмо послать на родину, – говорит она, и так умоляюще, тихо, робко.

“Э, думаю, чёрт с тобой, изволь!” Встал, сел к столу, взял бумагу и говорю:

– Проходите сюда, садитесь и диктуйте...

Она проходит, осторожно садится на стул и виновато смотрит на меня.

– Ну-с, кому письмо?

– По Варшавской дороге, в город Свенцяны, Болеславу Кашпуту...

– Что писать?.. Говорите...

– Милый мой Болесь... сердце моё... Мой верный возлюбленный... Да сохранит тебя мать божия! Золотое моё сердце... почему ты так давно не писал своей тоскующей голубке Терезе...

Я чуть-чуть не расхохотался. “Тоскующая голубка” двенадцати вершков роста, с пудовым кулачищем и с такой чёрной рожей, как будто голубка всю жизнь трубы чистила и ни разу не умывалась! Сдержался кое-как, спрашиваю:

– Он – кто, этот Болесь?

– Болесь, пане студент, – как будто обиделась она на меня за то, что я исковеркал имя. – Он жених мой...

– Жених?!?

– А чего же пан так удивился? Разве ж у меня, у девушки, не может быть жениха?

У неё, у девушки?!

– О, почему же! Всё бывает... А давно он ваш жених?..

– Шестой год...

“Ого-го!” – думаю я. Ну, написали мы письмо. Такое, я вам скажу, нежное и любовное, что я бы сам, пожалуй, поменялся местом с этим Болесем, если б корреспонденткой была не Тереза, а что-нибудь другое, поменьше её.

– Вот, спасибо вам, пане, за услугу! – говорит мне Тереза, кланяясь. – Может, и я могу вам чем послужить?

– Нет, покорно благодарю!

– А может, у пана рубаха или штаны в дырках?

Чувствую, что этот мастодонт в юбке вогнал меня в краску, и довольно резко заявляю, что не нуждаюсь в её услугах.

Ушла.

Прошло недели две... Вечер. Сижусь под окном и свищу, думая, чем бы мне отвлечь себя от себя? Скучно, а погода скверная, идти никуда не хочется, и от скуки я занимался самоанализом, помню. Это тоже довольно-таки скучно, но

больше ничего делать не хотелось. Отворяется дверь – слава богу! – кто-то пришёл...

– А что, пан студент не займется никаким спешным делом?

Тереза! Гм...

– Нет... а что?

– Хотела бы попросить пана ещё письмо написать...

– Извольте... К Болесю?..

– Нет, теперь уж от него...

– Что-о?

– О, глупая женщина! Не так я, пане, сказала, простите! Теперь уж, видите ли, нужно не мне, а одной подруге... то есть, не подруге, а... одному знакомому... Он сам не пишет... а у него есть невеста, как я же вот... Тереза... Так вот, может быть, пан напишет письмо к той Терезе?

Смотрю я на неё – рожа у неё смущённая, пальцы дрожат, путается чего-то – и... догадываюсь!

– Вот что, сударыня, – говорю, – никаких Болесей и Терез у вас нет, и всё это вы врёте. А около меня вам не обрыбиться, и в знакомство вступать я с вами не хочу... Поняли?

Она вдруг как-то странно испугалась, растерялась, начала топтаться на одном месте и стала смешно шлёпать губами, желая что-то сказать и ничего не говоря. Я жду, что из всего этого впоследствии, и вижу, и чувствую, что, кажется, немного ошибся, заподозрив её в желании совратить меня с путей благочестия. Тут как будто бы что-то другое.

– Пан студент, – начала она, и вдруг, махнув рукой, круто повернулась к двери и ушла. Я остался с очень скверным чувством на душе, слышу – у неё хлопнула дверь, громко так – рассердилась, видно, бабища... Подумал и решил – пойду к ней и, позвав её сюда, напишу ей всё, что там надо.

Вхожу в её комнату – вижу, она сидит у стола, облокотилась на него и голову сжала руками.

– Послушайте, – говорю...

...Всегда вот, когда я рассказываю эту историю и дойду до этого места, ужасно нелепо чувствую себя... такая глупость! Да-а...

– Послушайте, – говорю...

Она вскакивает с места, идёт на меня, сверкая глазами, и начинает, положив мне руки на плечи, шептать – вернее, гудеть своим басом...

– Ну, что ж? Ну? Так! Нет никакого Болеся, нет... И Терезы тоже нет! А вам что? Вам трудно поводить пером по бумаге, да?. Эх, вы! А ещё такой... беленький! Никого нет, ни Болеся, ни Терезы, только я одна есть! Ну, что ж! ну?

– Позвольте, – говорю я, ошеломлённый этим приёмом, – в чём дело? Болеся нет?

– Да, нет! Так что ж?

– А Терезы – тоже нет?

– И Терезы – нет! Я – Тереза!

Ничего не понимаю! Таращу на неё глаза, пытаюсь определить, кто из нас сошёл с ума? А она ушла опять к столу, порылась там, идёт ко мне и обиженно говорит:

– Если вам уж так трудно было написать Болесю, то вот оно, ваше писанье, возьмите! А мне и другие напишут...

Вижу – в руке у меня письмо к Болесю. Ф-фу!

– Слушайте, Тереза! Что всё это значит? Зачем вам нужно, чтобы писали другие, если я вот написал, а вы его не послали?

– Куда?

– А к этому... к Болесю?

– Да его же нет!

Решительно ничего не понимаю! Оставалось только плюнуть и уйти. Но она объяснилась.

– Что же? – обиженно заговорила она. – Нет его, так и нет! – И развела руками, как бы не понимая – почему же это его нет? – А мне хочется, чтоб он был... Разве ж я не человек, как все? Конечно, я... я знаю... Но ведь никому нет вреда от того, что я пишу ему...

– Позвольте – кому?

– Да Болесю ж!

– Да ведь его нет?

– Ах, Иезус-Мария! Ну что же, что нет, – ну? Нет, а будто бы есть!.. Я пишу к нему, ну, и выходит, как бы он есть... А Тереза – это я, и он мне отвечает, а я опять ему...

Я понял... Мне стало так больно, так скверно, так стыдно чего-то. Рядом со мной, в трёх шагах от меня живёт человек, у которого нет на земле никого, кто бы мог отнестись к нему любовно, сердечно, и этот человек выдумывает себе друга!

– Вот вы мне написали письмо к Болесю, а я его дала другому прочитать, и когда мне читают, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо от Болеся к Терезе... ко мне. Когда такое письмо мне напишут да читают, я уж совсем думаю, что Болесь есть. А от этого мне легче живётся...

...Да-с... Чёрт возьми!.. Ну, я с той поры аккуратно стал два раза в неделю писать письма к Болесю и ответ от Болеся – Терезе... Хорошо я писал эти ответы... Она, бывало, слушает их и ревёт... басом этаким редела. И за то, что я вызывал у неё письмами к ней от воображаемого Болеся слёзы, она мне бесплатно чинила все дырки на носках, рубахах и прочем... Потом, месяца через три после этой истории, её посадили за что-то в тюрьму. А теперь она, наверное, умерла».

...Мой знакомый сдунул пепел с папиросы, задумчиво посмотрел в небо и закончил:

«Н-да-с... Чем больше человек вкусил горького, тем свирепее жаждет он сладкого. А мы этого не понимаем, облечённые в наши ветхие добродетели и глядя друг на друга сквозь дымку самомнения и убеждения в нашей всяческой непогрешимости.

Выходит довольно глупо и... очень жестоко. Дескать, падшие люди... А что такое падшие люди? Прежде всего – люди, та же самая кость, кровь, то же мясо и те же нервы, как и у нас. Говорят нам об этом целые века изо дня в день. А мы слушаем и... чёрт знает как это всё нелепо! В сущности, сами-то мы тоже падшие и, пожалуй, очень даже глубоко падшие... в пропасть всяческого самомнения и убеждения в превосходстве наших нервов и мозгов над мозгами и нервами тех людей, которые только менее хитры, чем мы, хуже умеют притворяться хорошими, чем мы притворяемся... А впрочем, будет об этом. Так всё это старо... что даже совестно говорить...»

(1896)

Вариант 2

Евгений Абрамович Бунимович (род. 1954)

* * *

когда заасфальтировали небо
и были сразу решены проблемы
дождей и засух сельского хозяйства
и перенаселения земли

когда заасфальтировали небо
с учётом опыта классической работы
по преобразованию Европы
в прямоугольный треугольник *ABC*

помимо резких выступлений прессы
в защиту исторических названий
больших дискуссий по проблеме солнца
и воссозданию ускоренья *g*

нельзя не вспомнить об одном курьёзе
из тех что набираются петитом
рекордной многодневной голодовке
семьи производителя зонтов

(1980)